

Первый конкурс молодых хореографов (Из балетного дневника)

На 27 марта 2005 года назначили открытие Первого международного конкурса молодых хореографов имени П.А. Гусева. Идею его проведения уже давно вынашивал глава кафедры хореографии Санкт-Петербургской консерватории Н.Н. Боярчиков. Грядущее событие не могло не взбудоражить относительно спокойную студенческую жизнь. Довольно быстро определились желающие участвовать в состязании, и наступило временное затишье — период раздумий, пора рождения замыслов. А дальше — подбор музыки, предметные разговоры между конкурентами и напряженные творческие поиски. В балетных залах, обычно пустеющих к вечеру, нередко можно было расслышать едва уловимые шорохи страниц клавира и чуть приглушенные звуки музыки.

Но вот, наконец, пришло время последних репетиций и — финишная прямая. В одном из балетных залов Консерватории собрались высокое жюри и зрители в ожидании чего-то незаурядного. А артистов все еще окружала предконкурсная суета: спешное прилаживание костюмов, наставления взволнованных хореографов — в общем, самые последние приготовления.

В первый день участникам конкурса предстояло импровизировать на заданную музыку. Из большого количества заранее отобранных произведений Гаврилина, Гладковского, Пулена, Мессиана, Бартока, Орика попадалось всего одно — в соответствии с номером, который конкурсант вытягивал во время жеребьевки. Но импровизация — лишь половина задания, в основной части которого необходимо было представить номер, связанный с творческим наследием П.А. Гусева. Здесь выбор конкурсантов оказался весьма ограничен: либо балет Кара Караева «Семь красавиц», в котором Гусев выступал в качестве хореографа, либо музыка Э. Грига, послужившая основой «Ледяной девы», где Гусев блестал в главной партии, либо «Вальс» Мошковского, в котором мастер акробатической поддержки демонстрировал чудеса силы и ловкости. Правда, последняя музыкальная возможность почему-то никого не привлекла.

Программность импровизаций несколько усложнила задачу конкурсантам, ведь она требовала не столько движения в музыке, сколько яркого, запоминающегося хореографического образа, соответствующего содержанию музыкального произведения. Но эта сложность была с легкостью преодолена. Лучшей была признана импровизация Е. Хробостовой «Поехал Тит по дрова», музыкальность которой и успешно найденный хореографический лейтмотив очень точно передавали иронический характер героя.

Показательно, что многие из номеров отличались оригинальностью режиссерского решения и, кроме того, привлекали изобретательностью реквизита. М. Волкова заинтриговала зрителей длительной подготовкой к своему номеру — дуэту на музыку Э. Грига. Танцовщица была безжалостно упрытана в трубу из полиэтиленовой пленки — материала для садовых теплиц (правда, воздух в трубу все же предварительно закачали). Пленка эффектно раздалась, округлилась, и «садовая теплица» неожиданно превратилась в особый, замкнутый и чуждый всему остальному мир. Сам сюжет, до наивности простой — взаимоотношения юноши и девушки — оказался воплощен также незамысловато: в бес смысленных

в своей невозможности метаниях юноши, стремящегося освободить пленницу из «теплицы». Однако хореографии как таковой в номере, к сожалению, оказалось немного — преобладали пантомима и актерская игра.

Оригинальное решение дуэта из «Ледяной девы» (Э. Григ, «Ноктюрн») предложила Е. Хробостова. Две наглухо запертые двери, ведущие из фойе в зрительный зал, были переоборудованы в заклеенные пленкой «окна». Обстановка напоминала больничную: герой в полу забытии лежал на кровати и, казалось, бредил. Неожиданно в «окне» появлялось его материализовавшееся видение — девушка. Завладев вниманием и поборов ее холодность, герой, наконец, добился поцелуя, последнего в его жизни. Однако, роковое прикосновение привело не только к смерти, но и к освобождению: теперь уже герою надлежало дематериализоваться — уйти через символическое «окно», а девушке — занять его место на ложе.

Иную трактовку «Ноктюрна» Грига представила О. Галкина, дуэт которой дополняло длинное бело-матовое полотно, снежным шлейфом окутывавшее исполнителей во время танца. Белое полотно — это и глыба льда, рельефно очерчивающая фигуру Ледяной девы, и снежный вихрь, кружящийся над своей жертвой, и, наконец, символический белый саван. Чередой изобретательных поддержек, жестокой магией холода околдовывала Ледяная дева юношу. Трагический исход был предопределен сюжетом — очарованный странник застыпал глыбой льда, укрытый навеки белым саваном.

Постановки на музыку Кара Караваева пользовались большей популярностью, среди которых выделялась «Пляска Визиря» А. Вечкунина. Исполненная самим хореографом, будто на одном дыхании, очень экспрессивно, она рельефно передавала образ дикого и неудержимого восточного танца.

Участники конкурса, выдержавшие испытания первого дня, на втором этапе представляли свои «свободные» номера на сцене Театра оперы и балета Консерватории. Тут их фантазия уже ничем не ограничивалась: ни выбором музыки, ни обязательностью темы.

Сильный энергетический посыл первого тура обещал многое, но тем тяжелее признать, что второй этап оказался на порядок ниже первого. Причин этому можно найти немало. Но — факт! — показанные номера вряд ли корректно называть конкурсными. Странно, что среди них не было ни одного комического. Большинство номеров «произвольной программы» представляли собой попытки выразить некую глубокую идею, что нередко приводило к недосказанности и непременно трагическим финалам.

Неожиданным отзвуком одного из событий минувшей осени — ноябрьского концерта «Зимняя музыка» — оказался выход на сцену музыкантов в двух номерах.

Результаты конкурса стали для всех неожиданностью — ни Гран-при, ни первое место так и не были присуждены. Подобный результат заставляет задуматься: что же не удалось. Возможно, просто не хватило сил, а может, и простого, «спортивного» соревновательного опыта. Совершенно очевидно, что финал конкурса не соответствовал условиям, заявленным в начале. Однако студенты Консерватории на общем фоне смотрелись все же более выигрышно.

Обещали, что конкурс может стать ежегодным. Несомненно, это — весомый стимул к усиленной творческой работе и самосовершенствованию, пределов которому, как известно, нет.

Ксения Клирова